

author of the article analyses basic peculiarities of the man in the writer's art inner world creating, interdependency of the spirituality from belief and vice versa.

Key words: spiritual, spiritual const.

УДК 821.161.1.09“18”(045)

Сергей Плотников

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX в.

Актуальность избранной темы обуславливается как общекультурными, так и внутрилитературными задачами. И те, и другие связаны с переходом к некоему новому культурно-историческому периоду существования «русского суперэтнуса» (Л. Н. Гумилев) и необходимости переосмысления культурного наследия, во многих случаях до неузнаваемости искаженного атеистическим, то есть не присущим собственно русской культуре, взглядом на суть и ценность культурных процессов, в том числе литературного процесса.

Остроту проблеме придают, впрочем, не только искаженные отношения к прошлому, но и все настойчивее заявляющие о себе представления о будущем, в котором не находится место абсолютным ценностям, по крайней мере не формальное (не фарисейское) место. Сергей Сергеевич Аверинцев в статье «Несколько соображений о настоящем и будущем христианства в Европе» писал, что «“дух времени” проявляет себя как абсолютный релятивизм, который готов признавать все, что угодно, кроме поисков абсолютной истины», и далее: «Радикальный релятивизм и прагматизм в сочетании с практикой модного образа жизни порождают весьма специфическое состояние души, при котором вопрос о бытии Божиим, не получая отрицательного ответа (как у атеистов. – С. П.), утрачивает – заодно со всеми остальными “последними” – всякую серьезность». И вот она угрожающая актуальность: «В перспективе феноменологии человеческих типов это гораздо страшнее, нежели атеизм» [1, с. 90].

В данной статье мы ставим перед собой скромную цель, а именно показать возможность и необходимость отдельного, тщательного, разностороннего и глубокого анализа проблемы смысла жизни в творчестве русских писателей XIX в., обратившись к нескольким, на наш взгляд, убедительным примерам, демонстрирующим, что данная тема находится отнюдь не на периферии творчества большинства русских писателей.

Прежде всего, необходимо указать на место данной проблемы в личной культуре человека и культуре всего общества. Названная проблема не есть одним из важнейших мировоззренческих понятий, имеющих определенное значение для становления духовно-нравственного облика личности. По данным морфологии культуры именно ценностно-смысловое ядро является

центральним культуротворящим элементом, за чистоту и непогрешимость веры в который во всех без исключения цивилизациях несет ответственность религия [2, с. 250]. Формулу действия от религии к всеобщей культуре прекрасно выразил Иван Александрович Ильин: «Церковь ведет веру. Вера объемлет душу. Душа творит культуру» [3, с. 49].

Понятна позиция культурологов, которые, изучая в ряду прочего «эстетические предпочтения и художественную культуру» [2, с. 250], постигают смысл жизни, очевидно, присущий тем или иным сообществам людей или индивидам. Для нашего же исследования художественная литература и в целом все творчество писателей не носит прикладной характер, а, напротив, является первостепенным объектом исследования; предметом же - поиск смысла жизни и оправдание его в творчестве русских писателей присущими им художественными способами отражения действительности. По словам профессора А. И. Осипова, «для каждого человека основным вопросом всегда был и остается вопрос о смысле жизни. Не все могут найти для себя окончательное его решение, не все способны ответить сомневающимся. Но в каждом нормальном человеке неистребима потребность найти этот смысл и его разумное объяснение» [4, с. 22 – 23], прибавим от себя, тем более для деятеля общественного, пишущего для других, как писатель.

Как мы видели, в центре «формулы» Ильина – человек, личность его, душа его. Речь, по сути, если говорить о христианской культуре, идет о том, чтобы «проникнуться духом Христова учения и излить этот дух в свою жизнь и в мир вещественный» [3, с. 45], в чем и состоит сущность отношения христианской культуры к миру и что будет главным заданием для деятеля христианской культуры, в том числе, писателя, если он исповедует абсолютные ценности. Но в XIX в. в нашей цивилизации возникла очевидная проблема для элиты русского общества в понимании и принятии христианских ценностей, смысла жизни и идеалов.

На наш взгляд суть этого духовного кризиса достаточно ясно постигается исходя из данных этнологии, как они были открыты и разработаны Львом Николаевичем Гумилевым. По его обоснованному мнению, XIX-XX вв. есть время фазы надлома для русского суперэтноса и «сегодня, на пороге XXI в., мы находимся близко к ее финалу» [5, с. 373]. Фазу надлома, в которую происходит резкий спад пассионарности после напряжения акматической фазы, «можно рассматривать как “возрастную болезнь” этнической системы», когда, с одной стороны, раскалывается этническое поле, возрастают конфликты внутри этнической системы, вплоть до кровавых гражданских войн, невероятно возрастает число субпассионариев, отличающихся асоциальным поведением, подвергаются сомнению и обструкции абсолютные и другие ценности культуры, с другой стороны, снижается резистентность этнической системы, то есть ее способность здраво на основе ценностно-смысловых приоритетов родной культуры, различать, что исходящее извне обогащает, а что разрушает цивилизацию [8].

Ни в каком другом веке русской литературы нам не встретить таких горьких, трагических строк о смысле жизни, как в этом стихотворении Пушкина:

На день рождения
(26 мая 1828)

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум [7, с. 62].

Борис Иванович Бурсов, автор романа-исследования «Судьба Пушкина», в комментариях к этому стихотворению, полностью им приведенному, пишет о том, что здесь, в этом стихотворении, «мы сталкиваемся с противоречием исключительной силы: душа поэта наполнена страстью, ум же сомненьем взволнован, а при этом – “сердце пусто, празден ум”...», и объясняет это противоречие не совсем уверенно: «силы безграничные, а приложить их не к чему, - вроде так получается» [8, с. 338]. «Не к чему»? Это вряд ли. Поэта волнует иное, что мы и видим в стихотворении: зачем прикладывать силы к чему бы то ни было? Вопрос «зачем?» есть вопрос смысла, в данном случае смысла жизни.

Стихотворение Пушкина, написанное в 1828 г., опубликовано было в «Северных цветах» на 1830 г., и тогда же был написан и передан поэту как бы ответ на его стихотворение митрополита Филарета (Дроздова), понявшего главную проблему поэта правильно:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светел ум! [9, с 164]

Душевные страсти и сомнения, волнующие ум, на самом деле не составляют подлинную духовную жизнь человека, являясь, скорее, ее разрушителями и угнетателями, потому поэт и принужден честно констатировать: «сердце пусто, празден ум». Это противоречие может и должно быть решено смыслом жизни, обретаемым на основе абсолютных ценностей. По мысли митрополита Филарета, смысл жизни человека всецело находится в его Творце, Боге, который, будучи призванным в свободном выборе любви, поселяется в душе человека и созиждет «сердце чисто, светел ум». В иных словах то же самое определенно выразил русский философ XX в. Николай Онуфриевич Лосский: «Высшее достоинство мира, ради которого только и стоит существовать миру, именно способность творить Царство Божие...» [10, с. 82].

Пушкин был растроган до слез ответом митрополита Филарета, пользовавшегося безусловным уважением поэта. Александр Сергеевич с 1826 г. был свидетелем служения владыки Филарета в Москве и к тому же неоднократно читал его духовные произведения, на одно из которых – «Рассуждение о нравственных причинах успехов русских в войне 1812 года» - ссылается в приложении к поэме «Полтава». Поэт сразу же в день получения стихотворения архипастыря, 19 января 1830 г., пишет ответ, переданный позже через их общую знакомую Е. М. Хитрово:

Стансы

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт [9, с. 165].

Правда жжет душу, душа отвергает мрак земной суеты, в священном ужасе поэт внемлет арфе Серафима, смиряя свои буйные мечты, заживляя раны совести и – кто знает? – возможно восстанавливая забытый смысл жизни. Так начинался 1830 год, год «Повестей Белкина», «Маленьких трагедий», последних глав «Евгения Онегина», «Домика в Коломне», «Истории села Горюхина», «Сказки о попе и о работнике его Балде», нескольких набросков критических статей и около 30 стихотворений, год начала издания «Литературной газеты» и... год повторного сватовства к Наталье Николаевне Гончаровой...

Обратите внимание, митрополиту Филарету (Дроздову) не понадобилось убеждать или переубеждать Александра Сергеевича Пушкина в вопросе смысла жизни, а только напомнить о нем. «Человек – это его вера» (И.В. Киреевский), и архипастырь ставит поэта перед выбором веры, которых, по сути, две, но ведь истина может быть только одна, как замечает наш современник профессор А. И. Осипов [4, с. 23].

Пушкину – только по-отечески напомнить. Со Львом Николаевичем Толстым так не получится, и Святейший Синод примет решение не считать Льва Толстого членом Церкви (1901 г.). За час до смерти его герой Иван Ильич (повесть «Смерть Ивана Ильича», первая публикация в 1886 г.) постигает смысл жизни, и такую же тяжелую внутреннюю работу совершает автор на пороге XIX – XX вв., но обретает ли Истину, мы не знаем. В неизлечимой болезни Иван Ильич мучается пустотой жизни, прожитой им, не хочет признавать, что пустота действительно пустота, и это мучает его еще сильнее, как в аду, и постижение смысла жизни происходит благодаря согласию с тем, что «все было не то», далее, благодаря счастливой догадке, что хотя «жизнь его была не то, что надо, но что это можно еще поправить», и благодаря возникшей затем жалости к плачущему и целующему его руку сыну и к плачущей жене, хотя бы жалость, если не любовь, и благодаря его «прости» и исчезновению страха перед смертью, «потому что и смерти не было». «Вместо смерти был свет.

– Так вот что! – Вдруг вслух проговорил он. – Какая радость!» [11, с. 106–107].

Советский литературовед М. Б. Храпченко интерпретировал этот финал так: «Трагическое – это даром прожитая жизнь» и «любовь к людям, духовное единение с ними – вот то, чем должна быть наполнена жизнь человека», и это якобы «не несет в себе религиозного начала» [12, с. 256]. Христианство без Христа? Может быть, и так для Л. Н. Толстого, и все же и в его творчестве, и в творчестве других выдающихся русских писателей XIX в. мы видим потребность вернуться ли к Истине, отыскать ли ее, как самую Жизнь, и в начале следующего века, и позже, так что среди тех, кто уцелел в бурях фазы надлома в отчих пределах или за границей, наконец, ярко вспыхнула русская религиозная философия, прямо и убедительно говорящая о смысле жизни, как, например, в книгах Евгения Николаевича Трубецкого или Семена Людвиговича Франка [13, с. 19–130].

Мир без Христа был бы ничем. Эти слова еще в год смерти Пушкина написал в письме ближайшему своему другу декабристу М.Ф. Орлову Петр Яковлевич Чаадаев, который, будучи объявленным сумасшедшим, наблюдал повсеместное сумасшествие соотечественников. «Одним словом, - подводя итог спору, писал Петр Яковлевич, - вы полагаете, что между нами и небом лопата могильщика. Печальная философия, не желающая понять, что вечность не что иное, как жизнь праведника, жизнь, образец которой завещал нам Сын Человеческий; что она может, что она должна начинаться еще в этом мире» [14, с. 125]. Это недалеко от учения Церкви, так, например, высказанное современным священником: «Учение о смысле жизни содержится в святом Евангелии. Слово Божие открывает нам истину, что жизнь драгоценна, она больше пищи (Мф. 6:25), сохранение ее важнее субботы (Мк. 3:4). Сын Божий обладает Жизнью от вечности (Ин. 1:4). Умерший за нас и воскресший Иисус Христос есть Начальник жизни (Деян. 3:15). Подлинный, а не иллюзорный, смысл имеет только та жизнь, которая вводит нас в вечность Бога и соединяет с Ним – единственным Источником нескончаемых радостей, света и блаженного покоя. «Я емь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек» (Ин. 11:25). Вхождение это начинается еще на земле. Церковь, как творение Божие, есть предъизображение и начало вечной жизни. Новая жизнь уже на земле становится действительностью через веру в Того, Кто есть путь и истина и жизнь (Ин. 14:6). Свидетельством этого является жизнь святых. Но даже тот, кто не поднялся на ступень святости, а лишь проходит свой духовный путь честно и ответственно, постепенно обретает внутренний мир и знает, в чем смысл его жизни» [15]. Постигнуть подлинный смысл жизни оказалось возможным только через Русскую Голгофу...

Но век XIX не есть лишь время утрат, а уже и поисков и первых находок, направленных в будущее. Смысл попущения - в свободе, в необходимости свободного выбора любви, не случайно именно этот век стал веком отмены крепостного права, и, кстати сказать, Манифест об отмене крепостного права писал как раз митрополит Филарет (Дроздов).

Характеризуя русскую религиозную мысль XIX в., Николай Александрович Бердяев скажет: «Парадокс русской духовной культуры XIX века заключался в том, что беспочвенность русской мысли, ее воздушность, ее несвязанность прочной традицией была не только ее слабостью и недостатком, но и ее силой и качеством», поскольку «была источником ее необычайной свободы». «Мысль наша, пробудившись, стала необычайно радикальной и смелой. И вряд ли повторится у нас такое свободолобие и дерзновение» [16]. Да, фаза надлома в этногенезе русского суперэтнуса более не повторится. В 1932 г., когда писалась цитируемая работа Н. А. Бердяевым, он уже предполагал, что после большевистского режима русский народ может омещаниться и обуржуазиться, не сохранив те духовные черты, которые обнаружены в русской литературе XIX века и в творческой мысли этого неустроенного и несчастливого века. В конце работы Н. А. Бердяев писал: «У французов вечные черты национального духа связаны с XVII веком. Это остается верно и донныне и не изменено XVIII веком и революцией. Как будет у нас?». Нам представляется, что вечные черты национального духа для русских людей связаны именно с XIX в., тем более заслуживает внимания и нового прочтения творчество писателей этого века.

Литература

1. Аверинцев С. Несколько соображений о настоящем и будущем христианства в Европе / С. Аверинцев // Нравственные ценности в эпоху перемен. – М., 1994. – С. 90 – 91.
2. Морфологія культури : тезаурус / За ред. проф. В. О. Лозового. – Харків : Право, 2007. – 384 с.
3. Ильин И. Основы христианской культуры. О сопротивлении злу силой / И. Ильин. – М.: АСТ : Хранитель, 2007. – 318 с. – (Философия. Психология).
4. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. – 7-е изд., испр. и доп. – Изд. Спасо-Преображенского Мгарского монастыря, 2008. – 432 с.
5. Гумилев Л. От Руси к России / Л. Гумилев. – М.: АСТ, 2007. – 396 с. – (Историч. б-ка).
6. Гумилев Л. Этносфера: История людей и история природы/ Л. Гумилев. – М.: АСТ, 2004. – 576 с.
7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 3. – 742 с.
8. Бурсов Б. Судьба Пушкина : роман-исследование / Б. Бурсов. – Л.: Советский писатель, 1986. – 568 с.
9. Юрьева И. Ю. Пушкин и христианство : сб. произведений А. С. Пушкина с параллельными текстами из Священного Писания и комментариями / И. Ю. Юрьева. – 2-е изд. – М.: Изд. Дом «Муравей»: Отечество, 1999. – 280 с.

10. Лосский Н. Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н. Лосский. – М. : АСТ ; Х. : Фолио, 2000. – 864 с.
11. Толстой Л. Н. Собрание сочинений : в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М. : Художеств. лит., 1982. – Т. 12. – 624 с.
12. Храпченко М.Б. Собрание сочинений : в 4 т. / М. Б. Храпченко. – М. : Художеств. лит., 1980. – Т. 2. – 586 с.
13. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. – М. : АСТ, 2003. – 396 с. ; Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк. С нами Бог. – М. : АСТ, 2003. – 384 с.
14. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. / П. Я. Чаадаев. – М. : Наука, 1991. – Т. 2. – 672 с.
15. Иов (Гумеров ; иеромонах) Вопросы священнику [Электронный ресурс] / Иов (Гумеров : иеромонах). – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/answers/6624.htm>
16. Бердяев Н. О характере русской религиозной мысли XIX века [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/_HarRusRel.php

ПРОБЛЕМА СЕНСУ ЖИТТЯ В ТВОРЧОСТІ РОСІЙСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ ХІХ СТ.

Плотніков Сергій Анатолійович

У статті розглядається значення та встановлюється необхідність дослідження теми сенсу життя в творчості російських письменників ХІХ ст.

Ключові слова: сенс життя; російська література ХІХ ст.; фаза надлому.

ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ХІХ В.

Плотников Сергей Анатольевич

В статье рассматривается значение и утверждается необходимость исследования темы смысла жизни в творчестве русских писателей ХІХ в.

Ключевые слова: смысл жизни; русская литература ХІХ века; фаза надлома.

THE MEANING OF LIFE PROBLEM IN THE WORKS OF THE RUSSIAN WRITERS OF THE 19TH CENTURY

Plotnikov Sergiy Anatoliyovich

The article considers the importance and states the necessity to research the subject of the meaning of life. In the works of the Russian writers of the 19th century.

Key words: the meaning of life; the Russian literature of the 19th century; the phase of wretchedness.